

О болгарях и этнических процессах в Приазовье в первые века нашей эры

Юрий Анатольевич Стефанов

Проблема происхождения болгар на Северном Кавказе, их этническая принадлежность в последнее время с новой силой встала перед историками. Утверждение о том, что болгары появились в степях Предкавказья в результате гуннского нашествия было популярно в 1-ой половине XX в. На этих позициях стояли В. Златарский, и др. Александр Бурмов отвергал утверждение В. Златарского о том, что утигуры и кутригуры являются праболгарами, а также не поддерживает отождествления котрагов с кутригурами, а оногуров с уногундурами. Он считает праболгар самостоятельной этнической группой, в которую позже вошли котраги и оногуры. Сейчас теорию тюркского происхождения активно поддерживает Иван Добрев.

Венгерский автор Петер Юхас в своей книге «Тюрко-българи и маджари» посвящает целую главу анализу тюрко-болгарский заимствований в венгерском языке. Однако его доказательства не убедительны, так как в доказательной базе автор приводит много параллелей опирающихся на различные тюркские языки. И главное, согласно схеме деления тюркских языков, в болгарскую группу входит и ныне живой чувашский язык. Венгры в историческое время имели длительные контакты с чувашами и савирами (как предками чувашей). Нет никакой уверенности, что вычлененные Петером Юхасом заимствования, объясняемые им с опорой на чувашский язык, не есть результат древних контактов мадьяр с савирами. Кроме того, известное утверждение о пребывании среди венгров трёх хазарских племён кабаров и указание на широкое распространение кабарями среди венгров хазарского языка склоняет к мысли, учитывая близость хазарского и болгарского языков, отмеченную арабскими источниками, к влиянию на венгерский язык именно кабаров. Таким образом, зачисление многих заимствований венгерского языка в «болгарские» не убедительно. Более того, слова эти и среди болгар могли распространиться в результате влияния иных тюркских языков.

Но старая гипотеза, утверждавшая принадлежность праболгар к тюркским этносам и принадлежность их языка к тюркским языкам болгарской группы активно оспаривается. Петър Добрев выдвинул теорию восточно-иранского происхождения праболгарского языка, о прародине болгар объявил территории находящиеся вблизи отрогов Гиндукуша и Памира. По его теории в Предкавказье болгары переселились из древней Бактрии. Эту версию поддерживают Живко Войников, Иван Иванов, Иво Андровски и др. Ряд исследователей склоняются к мысли о образовании болгар в результате слияния угров и тюрков. Новосельцев говорит о болгарях как о «смешанных уграх», которые при невыясненных обстоятельствах были тюркизированы.

Таким образом, на настоящее время, мы имеем картину, где достаточно не ясно представлена языковая и этническая принадлежность праболгарской этнической

общности в Северокавказском районе. Крайне скудные сведения письменных источников о периоде времён Кубрата и Аспаруха, от II до конца VII веков имеют параллели и в археологии. На территории западной части Северного Кавказа не найдено внушительных доказательств существования в этот период особой болгарской цивилизации. Раскопки в восточных районах Северного Кавказа, город Беленджер и другие объекты, приводимые как доказательство существования болгарской цивилизации, сомнительны, ибо нет ни одного доказательства их принадлежности к Великой Болгарии на Кубани.

Более того, до конца VII века мы достаточно точно не можем идентифицировать и конкретно самих болгар. Дискуссионным является вопрос: кутригуры и утигуры были составной частью болгар либо же союзными или близкородственными племенами. Новосельцев по этому поводу пишет следующее: «У Прокопия Кесарийского, нашего основного информатора о событиях первой половины VI в., в описании юга Восточной Европы этнонима «булгары» нет, а в качестве восприемников гуннов выглядят утигуры и кутургуры. Первые из них обитали на востоке, вторые на западе от Меотиды и р. Танаис (Дон). Из этого исследователи делают заключение, что булгары скрываются под наименованием утигуров и кутургуров. В этом можно усомниться, если предположить, что булгары у Прокопия скрываются под именем «брухии», которые обитали между абасгами и аланами, т. е. в западном Предкавказье. Этот район был по-видимому изначальным местом обитания болгар, откуда отдельные их группы в IV- VI в.в. могли уходить на запад. Именно этот район у Феофана и Никифора называется Великой Болгарией. Здесь же фиксируют болгар Псевдозахария и «Армянская география» VII в.»

Таким образом, конкретных сведений об этногенезе болгар до VII в. включительно, нет. Далее уже арабские авторы определяют дунайских болгар как славян. Волжских болгар – как тюрков. Интересен и неразрешён ещё вопрос, касающийся языка так называемых наследников Великой Болгарии – татар, башкир, карачаевцев, балкарцев. Все эти народы говорят на близкородственных тюркских языках кыпчакской группы. В языковом отношении эти народы такие же наследники Великой Болгарии как и резьянские словенцы, живущие в Италии и утверждающие своё легендарное происхождение от русских, наследники русского языка. То есть, родство языка, несомненно, а преемственность отсутствует. Это в том случае, если признавать язык Великой Болгарии в Прикубанье родственным чувашскому.

Таким образом, идентификация праболгар на этническом уровне, то есть как отдельного этноса со всеми его структурами, постоянно сталкивается с проблемами. Скажем так, различные авторы приводят различной аргументации доводы о различном происхождении болгар, которые воспринимаются и поддерживаются читателями в зависимости от различных, не научных установок, и приобретают популярность благодаря общественному мнению, а не научным доводам. Это касается и теории славянского происхождения праболгар Юрия Венелина, и Д. И. Иловайского. В принципе, но с другими акцентами, о славянском происхождении праболгар говорил и Ганчо Ценов. Это касается и теории иранского происхождения Петра Добрева.

С другой стороны есть все условия к рассмотрению проблемы происхождения праболгар не в этническом, а в социальном плане, то есть не как особого этноса возникшего на определённой племенной или родовой основе, а сообщества, группы возникшей на социальной, сословной, надэтнической основе.

Есть несколько работ посвящённых одному знаменательному событию, Троянской войне. Йордан Табов в своей работе «Болгары в Троянской войне» и Стефан Чурешки в работе «За критическите изследвания в историята и религията» выдвигают идею участия болгар в троянской войне. Не будем касаться конкретных доводов, примем к сведению, что эти авторы видят болгар в Ахилле и предводительствуемой им дружине. Теперь давайте взглянём на Ахилла и его дружину. Очень интересно по этому поводу мнение Нины Владимировны Брагинской. Она в частности пишет: «Но в то же время мирмидонцы, о чьем происхождении хоть что-то можно узнать, – пришлые во Фтию, как и сам Пелей. Часто они даже не фессалийцы, как, скажем, Патрокл и отец его Менетий, бежавшие во Фтию из локрийского Опунта... Любопытно, как оказались во Фтии те мирмидонцы, чья судьба нам до какой-то степени известна. Оказывается, они – изгнанники, причем совершают они примерно те же преступления, что и царь Пелей, отец Ахиллеса... Что же еще мы знаем о мирмидонцах и чего не знаем? Мы не знаем ни одного мирмидонца, кроме тех, кто является воинами Ахиллеса или входит в свиту Пелея. Мы не знаем ни одной мирмидонянки, ни одного ребенка или старика мирмидонского племени. Когда заходит речь о выборе жены для Ахиллеса из женщин, живущих во Фтии и в Элладе, то это не дочери мирмидонцев, не мирмидонянки, а ахейки. Таким образом, и во Фтии и в Элладе живут женщины-ахейки и мужчины воинского возраста – мирмидонцы. Не только нет в «Илиаде» женщин, стариков и детей мирмидонцев, нет и единственного числа *мирмидонец*... И вот все такие изгнанники отправляются в поход на Трою и становятся самой свирепой силой ахейцев. Эпитет их – «браннолюбивые». Фтия не родина их, но их «дом», Пелей и Ахилл не соплеменники их, но вожди, сами они, как и царь Пелей, – пришлые» (Н. В. Брагинская. Кто такие мирмидонцы? // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990.)

Из высказывания Н. В. Брагинской закономерно следует вывод – Ахилл и его воины, это не этническое племя, а воинское сообщество, социальная группа, представляющая воинское сословие, которое прибыло под стены Трои из болот Меотиды, где, по всей видимости, находилась их главная, укрепленная штаб-квартира.

Первыми нам известными обитателями Приазовья были киммерийцы. Н.И. Васильева в своей работе «Краткая история Великой Скифии» высказывает мнение, что киммерийцы это не этноним, а геоним, который можно интерпретировать как «степняки», и об этнической принадлежности киммерийцев говорить достаточно проблематично. Ольга Васильевна Борисова склоняется к мысли, что киммерийцы вообще не этническое объединение, а «военный орден» определённой сакральной направленности, рыцари которого имели широкомасштабные планы по установлению своего контроля на просторах восточной Европы. О. В. Борисова приводит несколько

возможных трактовок названия киммерийцы. Она допускает, что это название может быть игрой слов на санскрите от названия народа: (kim arya – «те, кто арии», произнесенное иначе: kim marya – «рождённые умирать»). С позиций древнеиранского языка название киммерийцев можно интерпретировать как «быстрый отряд». Таким образом, в начале письменного периода истории мы сталкиваемся в Приазовье с надэтническим образованием, представляющим воинское сословное сообщество.

Ближе к нашему времени в районе Приазовья мы наблюдаем алан. Происхождение и идентификация алан в принципе не вызывают сомнения, но А. А. Туллаговым высказывается и такое мнение: «Представляется, что аланами (ариями) называлась социальная надплеменная прослойка “азиатских скифов” античных источников, связанная родством с аристократическими домами различных кочевых объединений. Её представители были потомственными профессиональными воинами, чья власть была сакрализована на основании традиций ираноязычного кочевого мира». Таким образом, мы можем наблюдать, что мнение А. А. Туллагова продолжает и дополняет предположения предыдущих авторов.

По прошествии какого-то времени этническая обстановка в Приазовье изменяется. Здесь появляются германские племена. Среди этих племён наше внимание привлекают герулы, часть из которых оказалась в Приазовье. Проблема связанная с соотношением Герулы / Эрулы / Элуры, то есть с различным написанием этнонима и его этническими соответствиями, то есть один это этнос или разные, в данной ситуации не столь важен. Дело в том, что из себя представляли герулы именно в Приазовье. И опять мы сталкиваемся с мнением ряда авторов, отмечающих не этническую, а социальную, сословную организацию общества в Приазовье, или части этого общества. Пётр Золин высказывает следующее мнение: «Эрулы использовали в своей армии многих рабов, по крайней мере, рабов по облику, но при этом, наверное, свободных, даже в своих сражениях. Их принуждали сражаться почти голыми и без оружия, - если они справлялись с такой задачей, то им предоставлялась возможность стать полноправными членами эрульского общества». Данное высказывание автора можно принять как свидетельство в пользу существования сословной организации, проводящей приём в свои ряды посредством определённого испытания претендентов.

Подобной точки зрения придерживается и Г. С. Лебедев, по его оценке герулы – “разноплеменная воинская элита, в бурных условиях IV-V вв. обретавшая способность к самоорганизации”». В своём исследовании «Крымско-готский язык» Н. А. Ганина сообщает следующее: «Однако в любом случае следует принят во внимание версию О. Хёфнера о том, что “эрул”/ “герул” – не один из германских этнонимов, а обозначение социальной группы, соединённой общим культом, эзотерическими знаниями (руны) и, как следствие – воинским товариществом».

Ещё одну рациональную мысль высказывает Н. А. Ганина: «Возможно, герулы были воинской элитой на исконной территориально-племенной основе: трудно представить себе касту, охватывавшую все германские племена, разбросанные на значительном пространстве. Очевидно, для каких-то племён герулы представляли собой чуждую элиту и тем самым – чуждое племя»

Следует отметить, что герулы основались в Приазовье, так же как и Ахилл со своей дружиной, совершали морские походы-набеги на территорию Малой Азии и Эллады.

Из сообщений главным образом двух источников, Феофана исповедника и патриарха Никифора, нам известно о существовании Великой Болгарии на Кубани. То есть в местах занимаемых до этого киммерийцами, мирмидонцами Ахилла, аланами, герулами и другими племенами. Не будем вдаваться в дискуссию по поводу того, что Кубрат, предводитель Великой Болгарии и Кубрат предводитель уннотундуров это разные люди или один человек. Взглянем на этническую обстановку существовавшую вокруг Великой Болгарии.

Не вызывает сомнений, что западное Предкавказье и Приазовье было местом активных этнических контактов. Здесь проживали носители индийских языков, родственных санскриту. Об этом достаточно убедительно пишет О. Н. Трубочёв. Здесь же зафиксированы многочисленные восточноиранские племена. Несомненным было в данном регионе и присутствие абхазо-адыгских народов, чей эпос, «Нарты» представляет собой не что иное, как отражение существования сословного воинского объединения, воинского ордена на данной территории. В данном подтексте не важен спор о происхождении этого эпоса: адыгский он по своей основе или осетинский, поскольку важно его содержание и тот факт, что даже будь он заимствован одним из народов, то это могло бы произойти исключительно в условиях тесного совместного проживания и интенсивного общения, более, нежели простое соседство. Такая передача эпоса могла состояться в условиях нахождения в одном сообществе.

То есть идея существования сословного воинского сообщества, воинского ордена отражена в традициях местного фольклора, причём в разноязычной среде. Далее, в более поздние времена мы наблюдаем проникновение в эти места тюрок и угров. Наличие антов на данной территории может вызывать сомнения, но оно вполне допустимо, если трактовать антов как этническое сообщество имеющее родство как с индоариями, на что указывает О. Н. Трубочёв, так и с восточноиранскими этносами, лишь позже ослабяившихся. Таким образом языковая ситуация данного региона, Приазовья и Прикубанья остаётся хотя в общих чертах и прояснённой, но лишённой конкретики в определённое время, в первые века нашей эры.

В данной ситуации не лишена логики и постановка вопроса о сформировавшейся здесь болгарской общности, о которой до нас дошли сведения Никифора и Феофана. Не представляли ли болгары в данном регионе не этническое – а социальное, сословное объединение, воинский орден. Из выше приведенных цитат вполне закономерно вытекает, что герулы в данном регионе представляли воинское сообщество, а в других местах – этническое, аланы тоже. Учитывая характер болгарского завоевания на Балканах, логичнее допустить, что славяне, якобы добровольно признавшие власть Аспаруха, на самом деле славянизированные антские племена вполне допускавшие общее руководство над собой надплеменной элиты – воинского ордена. В такой ситуации достаточно ясно объяснима проблема взаимоотношений болгар и хазар. Если верить утверждениям многих авторов, в частности и Плетнёвой С. А., то болгары в Хазарии занимали доминирующее

положение. Как это объяснить с точки зрения дунайско-болгарского и хазарского жёсткого противостояния. Если Аспарух являлся предводителем воинского ордена, который хазары лишили господства на приазовских и прикубанских территориях, то легко. Тогда Батбаян, спокойно живший в Хазарском каганате всего лишь предводитель этнически или культурно родственного хазарам объединения, которое могло быть слабо связано с ушедшим с Аспарухом объединением. Наличие болгарских племён в Аспаруховой Болгарии, о которых иногда приходится читать у ряда авторов, не фиксируется документально. Наличие же родов вполне допустимо и в сословной организации. В этом контексте объясним и этноним «болгары». В «Скифо-сарматском словаре» Васо Ивановича Абаева есть слово «bala - 'военная дружина'», не исключено, что оно близко к семантике болгарского наименования – бль(гаре).

С другой стороны, в «Именнике болгарских князей» приводится перечень болгарских предводителей принадлежавших к разным родам, что вполне соответствует выборности руководства в сословных организациях, иначе трудно объяснить такую смену династий.

Ещё один аспект данной проблемы – язык болгар пришедших с Аспарухом на Балканы. Это мог быть любой язык воинской элиты. Сторонники теории иранского происхождения болгар приводят много фактов (достоверных или нет, в данный момент не столь важно) доказывающих наличие в современном болгарском языке восточноиранского субстрата. В этнической мозаике Западного Предкавказья вполне возможно было влияние различных языков, выше перечисленных, на язык воинского сообщества. Но, не исключено, что таковым языком мог быть и условно иранский с индоарийским влиянием, а позже славянизированный язык антов. В пользу такого заключения говорит и тот факт, что носители именьковской культуры после исхода из своих мест обитания могли частично оказать влияние и на языковую ситуацию в Предкавказье. Следует иметь в виду, что язык именьковцев, по мнению В. В. Напольских представлял собой иную версию развития славянских языков.

Следует обратить внимание и на ещё один компонент языковой составляющей. В работе И. Карасева «О проявлении свойств Балканского языкового союза в адыгейском языке» приводятся яркие параллели связывающие грамматику, синтаксис и морфологию адыгейского языка с языками балканского языкового союза. Таким образом, сходство адыгейской грамматики с болгарской наталкивает на определённые выводы: а не начал ли формироваться Балканский языковый союз на Кавказе? Если допустить такой вариант, становится более понятным то расхождение в грамматике между староболгарским (церковнославянским) языком, основанным на говоре города Солунь IX века и современным болгарским, опирающемся в основе на другие диалекты. В то время власть Болгарского государства на Солунь ещё не распространялась, и там мог существовать близкий, но не антский, а склавинский диалект.

Таким образом, если допустить, что болгары, пришедшие с Аспарухом на Балканы представляли собой не этническое, а сословное объединение, можно объяснить и запутанные ныне проблемы языковой истории. Ведь социальная группа

довольно часто не имеет своего языка, для неё важным являются другие критерии, а язык в воинском коллективе выполняет лишь прямую функцию коммуникации. Таким образом, всегда избирается наиболее удобный в данном районе язык, которым владеет, в той или иной степени, большинство населения. С другой стороны, сложившееся в Прикубанье и Приазовье объединение могло пользоваться языком, который в силу известных объективных причин мог испытывать влияние окружающих языков и их субстратов, как то – восточноиранских, индоарийских, тюркских, угорских, славянских, германских, адыгских и других. Этим можно объяснить и тот факт, с какой лёгкостью исследователи находят в современном болгарском языке следы (достоверные или нет, это другой вопрос) и древних иранских, и древних индийских, и древних германских заимствований.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что после ухода болгар из Приазовья и Прикубанья и установления там хазарского влияния, через некоторое время мы видим здесь вновь существующие сообщества, которые скорее можно охарактеризовать как социально-сословные а не этнические. Такими в первую очередь являются более поздние бродники, и сменившие их позже казаки, представлявшие на раннем этапе сословное воинское объединение с не ярко выраженной этнической доминантой.

Вопрос о том, являлись ли болгары, пришедшие с Аспарухом на Балканы этническим или сословным воинским объединением остаётся открытым. И не в последнюю очередь потому, что многим исследователям достаточно трудно будет преодолеть стереотип этнической принадлежности. Они привыкли устанавливать родственные связи, привлекая даже исследования гаплогрупп и гаплотипов. Но часто не хотят признать тот факт, что люди объединялись не только по родству кровному, но и по родству мнимому, как например социальные верхи объединялись «по крови владыческой». Как позже в этих же местах существовала казачья вольница – последний всплеск древних воинских сословных объединений, и члены этих объединений, несмотря на разное этническое происхождение (чему яркий пример Запорожское казачество) считались братьями казаками.

Литература.

Петер Юхас. «Тюрко-българи и маджари». София. 1985.

А. П. Новосельцев Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа, Москва, Наука, 1990.

Н. В. Брагинская. Кто такие мирмидонцы? // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. М., 1990.

Н.И. Васильева «Краткая история Великой Скифии»1.1 Киммерийский период (1600-1000 гг. до н.э.), Самоназвание киммерийцев и скифов.

Борисова О.В. Релігійний чинник у геополітичних устремліннях еліт України в добу Середньовіччя / Ольга Василівна Борисова : [монографія]. – Луганськ: Вид-во ДЗ «Луганський національний університет ім. Тараса Шевченка», 2010.

Туаллагов А.А., К вопросу о происхождении ранних алан. //Сборник: Петербургский археологический вестник, 1997 .

Петр Золин. Эрулы словен-русы будины болото. <http://www.proza.ru/2009/08/26/913>
24. 10. 11

Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005.

Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. (Славяно-германские исследования. [Т.] V.)

О. Н. Трубачёв. Indoarica в Северном Причерноморье. Москва. Наука. 1999.

Напольских В. В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3-19.

И. Карасев «О проявлении свойств Балканского языкового союза в адыгейском языке». http://arahau.ucoz.ru/publ/estestvennye_jazyki/balkanizm_v_adygejskom/4-1-0-28
14. 11. 11.